

ПОЛИАННА РОМАНОВА

Прощание С СЮРПРИЗОМ

Я просто
заметила одну мелочь.
А потом началось
самое интересное.

Полианна Романова

Прощание с сюрпризом

<https://litres.ru/74626322>

SelfPub; 2026

Аннотация

Свадьба и похороны похожи больше, чем кажется: и там и там плачут, пьют и с упоением рассказывают - какой замечательный человек виновник торжества. Нина Пряникова знала это лучше других: пятнадцать лет она вела свадьбы, юбилеи и корпоративы. Пока однажды не получила в наследство от дяди похоронное бюро «Архангел», где вместо «Горько!» нужны траурные речи, а в штате числятся оперный бас Бонифаций, водитель катафалка с философским взглядом на жизнь и серый кот по кличке Аудитор.

На первых же похоронах Нина замечает одну мелочь: в гробу лежит не тот человек. Следовательно не спешит ей верить, вдова безутешна слишком красиво, а кто-то очень не хочет, чтобы бывшая тамада задавала лишние вопросы. Но Нина знает: люди могут врать словами сколько угодно, зато лица выдают их с головой. Отличить настоящую скорбь от плохой актёрской игры она сумеет. Вот только правда окажется куда опаснее любого свадебного сценария

Содержание

Глава 1. Наследство с сюрпризом	4
Глава 2. Закрытый гроб	15
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Полианна Романова

Прощание с сюрпризом

Глава 1. Наследство с сюрпризом

В первый рабочий день на новом месте я лежала в гробу. В добротном таком, красивом гробу.

Не подумайте ничего дурного: я не репетировала и не впа-
ла в уныние. Я пряталась. Гроб назывался «Комфорт-люкс,
бук, шёлк-крепдешин» – так значилось на бирке, которую я
обнаружила под подушкой, – а сама подушка оказалась та-
кой мягкой, что я на секунду позавидовала клиентам.

– Нина Сергеевна, – прогудело над ухом, и венки на стенах
слегка задрожали, – к вам пришли.

– Кто? – шепнула я, не открывая глаз.

– Бывший супруг. Интересуется, когда вы вернёте ему
коллекцию виниловых пластинок.

– Скажите, что я в отъезде.

– Я уже сказал. Он спросил, не в том ли отъезде, откуда
не возвращаются. Я ответил уклончиво.

– Правильно.

– Только имейте в виду, Нина Сергеевна: вы лежите в вы-
ставочном образце. Он стоит двести тридцать восемь тысяч.
Если ваш бывший заглянет в зал и решит купить, вам всё же

придётся вставать.

Обладателя баса звали Борис Фёдорович Анциферов, но весь город знал его как Бонифация, и откликался он исключительно на это имя. Когда-то Бонифаций солировал в областной опере, потом в опере случилось сокращение штатов, а бас остался при нём, и теперь он пел на панихидах. Пел так, что у вдов слёзы лились сами собой, а у конкурентов ныли зубы.

Позвольте представиться. Нина Сергеевна Пряникова, сорока четырёх лет от роду, а до прошлого вторника – лучшая тамада города Заречинска. Пятнадцать лет я вела свадьбы, юбилеи и корпоративы, а один раз даже развод, с шампанским, по обоюдному желанию сторон.

Работа тамады только кажется весёлой. На самом деле это работа наблюдателя. Сто человек сидят за столом, и каждому ты должна подсказать, что ему сейчас чувствовать: на свадьбе счастье, на юбилее гордость, на корпоративе любовь к руководству. За пятнадцать лет я научилась безошибочно отличать, когда человек чувствует, а когда только изображает.

Секрет прост: настоящая эмоция приходит вместе со словом, а поддельная опаздывает на полсекунды. Свидетельница говорит: «Я так счастлива за вас!», и улыбка догоняет её слова, как опоздавшая электричка. Я видела невесту, которая сияла при виде жениха и при этом прикидывала стоимость кольца. Видела гостя, рыдавшего от умиления, хотя на

самом деле он был безнадежно влюблён в невесту. Фальшь меня не обманывала никогда.

Обманула меня только собственная семейная жизнь.

Игорь ушёл в начале месяца, к Кристине, фитнес-тренеру, у которой, как выяснилось, есть всё, чего нет у меня: двадцать шесть лет, пресс и безлимитный абонемент. Вещей он забрал мало. Зато, уходя, вспомнил, что когда-то одолжил мне коллекцию пластинок, и с тех пор звонил с регулярностью налоговой инспекции.

Мне, конечно, очень хотелось утереть нос бывшему и тут же, феерично, выйти замуж за Артура Бубликова, например. Как тамада я понимала, что дуэт Бубликова и Пряниковой собрал бы аншлаг на любой свадьбе, даже без заготовленных конкурсов. Но жизнь лёгких сценариев не писала, и вместо звёзд эстрады ко мне настойчиво прорывался бывший муж.

– Нина, ты поступаешь некрасиво.

– Игорь, ты ушёл к человеку с прессом. Кто из нас поступил некрасиво?

Через неделю после этого разговора отошёл в мир иной мой драгоценный дядюшка Гавриил Матвеевич. Ему было семьдесят девять, он всю жизнь прожил холостяком и всю сознательную жизнь хоронил людей. Мне он оставил три вещи: похоронное бюро «Архангел», катафалк «Волга» по имени Царевна и записку из одной строчки. Я прочла её, перечитала, а потом спрятала в ящик комода, потому что там значилось: «Нинуша, ты справишься. Главное – смотри внима-

тельно». Я решила, что дядя имел в виду бухгалтерию.

Продать бюро я собиралась в тот же день. Но нотариус, строгая Зинаида Павловна Жадина в очках на цепочке, зачитала пункт, который прятался в конце завещания мелким шрифтом, как сюрприз в детском шоколадном яйце: бюро может быть продано не раньше чем через полгода личного руководства. Если же наследница откажется, всё имущество переходит благотворительному фонду «Заречинский приют для бездомных кошек».

– Я люблю кошек, – честно сказала я. – Но не настолько, чтобы дарить им катафалк.

– В таком случае вам придётся работать, – ответила Зинаида Павловна Жадина тоном врача, который сообщает, что анализы, к сожалению, готовы, а консилиум собирать уже поздно.

Маме я рассказала за ужином. Антонина Львовна, бывший завуч, тридцать лет преподававшая в школе и до сих пор проверяющая мой дневник, которого у меня нет, пожевала губами и вынесла вердикт:

– Похоронное бюро – прекрасное место. Клиенты не прогуливают, не хамят и никогда не жалуются, что им задали слишком много.

– Мама, они не жалуются, потому что они...

– Вот именно, – сказала мама. – Идеальные ученики.

Покупатель на бюро, разумеется, нашёлся сразу. Руслан Ангелов, хозяин конкурирующей конторы «Похоронный

дом Ангелов», позвонил на третий день и предложил сумму, на которую можно было купить разве что подержанный холодильник. Я пообещала подумать. Бонифаций, узнав об этом, побледнел и заметил, что Ангелов хоронит людей так, как лечат зубы: быстро, дорого и с двусмысленным посылом «при повторном обращении – скидка». Правда, добавил он, по небесной табели о рангах наш «Архангел» стоит выше «Ангелов», и это, пожалуй, наше единственное преимущество.

Бюро располагалось в двухэтажном особнячке с колоннами на улице Садовой. Над входом красовалась вывеска: «Архангел. Гавриил и сын». Сына у дяди не было никогда, и я спросила Бонифация, откуда он взялся.

– Для солидности, – объяснил тот.

Остальной коллектив состоял из Фёдора Семёновича, водителя Царевны, который ездил строго тридцать километров в час, потому что «мои клиенты не торопятся», и кота по кличке Аудитор. Кот достался мне вместе с домом. Огромный, серый, с обвисшими щеками и взглядом налогового инспектора, он имел привычку садиться на каждую бумагу, которую подписывали в бюро, и смотреть на неё с подозрением, как на сомнительную накладную. Дядя говорил, что так кот защищает бюро от мошенничества. Я пока не заметила, чтобы мошенничество пострадало.

– Он ушёл? – спросила я, по-прежнему лёжа.

– Ушёл, – подтвердил Бонифаций. – Оставил записку «Я

ещё вернуться». Я, с вашего позволения, выбросил её.

– Молодец.

– Теперь можете вставать. Тем более что...

Договорить он не успел. Дверь в зал распахнулась, по паркету зацокали каблуки, и я, не успев даже сесть, оказалась в положении, которое в тамадской практике называется «гость пришёл раньше, чем накрыли на стол». Я выбралась из гроба, одёрнула пиджак и сделала лицо, которое берегла для самых трудных свадеб.

В зал вошла женщина, которую я сначала приняла за траурный номер глянцевого журнала. Высокая, лет тридцати восьми, в чёрном платье, сидевшем на ней так, словно егошили по мерке в день, когда горя ещё не было. Идеальная укладка. Идеальная шляпка. Идеальная тушь.

– Добрый день, – сказала она низким голосом. – Я Элеонора Лапшина. Мой муж, Валерий, скончался вчера. Я хочу, чтобы прощание было организовано по высшему разряду. Деньги не имеют значения.

Я много лет слушала прекрасную музыку: «Венский вальс», «Калинку», шампанское, льющееся в бокалы. Но «деньги не имеют значения» для владельца бюро, которому нужно продержаться полгода, звучит лучше любого оркестра.

– Примите мои соболезнования, – сказала я, и голос у меня получился такой, что даже Бонифаций одобрительно качнул головой. – Мы сделаем всё, чтобы проводить Валерия...

простите, как его по отчеству?

– Андреевича. – Она достала платочек, аккуратно поднесла его к глазам и так же аккуратно убрала. – Валерий Андреевич Лапшин. Возможно, вы слышали: «Лапшин-Сан».

Я слышала. Весь Заречинск слышал. Сеть магазинов сантехники по всей области: ванны, унитазы с подогревом, привезённые прямо из Японии, душевые кабины, смесители с подсветкой. На рекламных щитах красовался сам Лапшин, бодрый мужчина с ослепительной улыбкой, в окружении бассейна, джакузи и подписи «Вода – это жизнь!». Слово «Сан» реклама объясняла то как «санитарный», то как японский знак почтения, в зависимости от того, кого спрашивали.

– Конечно, слышала, – сказала я. – Вы, должно быть, невыразимо страдаете.

– Невыразимо, – ответила Элеонора. Улыбка у неё опоздала за словом примерно на полсекунды.

Я насторожилась, но виду не подавала. Вдова, которая страдает невыразимо и при этом накрашилась водостойкой тушью и подобрала шляпку под цвет туфель, это, вообще-то, ещё не преступление. Многие так держатся. Особенно в первые дни.

– Теперь о деталях, – продолжила Элеонора. – Гроб только закрытый. Валера не любил, когда его видят в неподобающем виде, даже после... Ну, вы понимаете. Никаких открытий, никаких прощаний у изголовья. Никаких фотографий. Вам привезут тело сегодня вечером, одежду я оставлю. Под-

готовьте всё, пожалуйста, сами. А завтра в два часа прощание в вашем зале, потом кладбище.

– Разумеется, – сказала я. – Желания вдовы для нас закон.

Она кивнула, положила на стол пухлый конверт и ушла так же, как вошла: на каблуках, с прямой спиной и без единого взгляда назад.

– Вот это женщина, – восхищённо произнёс Бонифаций.
– Ни одной слезинки. Железная леди.

– Железная, – согласилась я. – Только вот слезинки-то никто не обещал. Я ни разу не видела, чтобы человек в горе так тщательно подбирал шляпку.

– Возможно, у неё такой способ переживать, – предположил Бонифаций.

– Возможно. – Я посмотрела на закрытую дверь. – А вы не замечали, Борис Фёдорович, что Лапшин, хозяин сантехнического империума, по слухам, всю жизнь боялся воды?

– Ещё как знал! – оживился Бонифаций. – По всему городу ходил анекдот: человек, который продаёт ванны, моется в тапике. Весь Заречинск смеялся. А в армии он, между прочим, вообще не служил: плоскостопие, мама, справка.

– Вот и я о том же, – сказала я. – Хотя, возможно, я просто ищу драму там, где её нет. Профессиональная деформация.

– Нина Сергеевна, – сказал Бонифаций, – вы у нас всего двенадцать часов на работе.

– Вот именно, – ответила я. – Пока не успела привыкнуть и окончательно деформироваться.

К вечеру на Царевне приехал Лапшин.

Фёдор Семёнович вёл катафалк со скоростью, которую я затруднилась бы назвать даже пешей, и остановился у чёрного хода ровно в тот момент, когда на улице стемнело. Молодой санитар в сине-зелёной куртке молча передал Бонифацию бумаги, молча кивнул мне и так же молча уехал на служебной машине. Бонифаций сказал, что в морге все такие: работа накладывает отпечаток на характер. Я ответила, что у меня тоже скоро наложит.

В подсобной комнате было тихо и прохладно. На столе лежал чёрный мешок, рядом на стуле висел костюм, который оставила вдова: тёмно-серый, дорогой, с галстуком цвета сливы. Аудитор уже сидел на коробке с запасными венками и смотрел на мешок так, как смотрит проверяющий, когда ему не нравится отчётность.

– Ну, приступим, – сказала я и почувствовала, как у меня похолодели руки.

Бонифаций, к моему облегчению, оказался профессионалом, который мог дать фору любому дипломированному татопрактику из столицы. Он объяснял тихо и без лишних слов, как будто вёл репетицию. Мама позвонила в самый напряжённый момент и потребовала отчёта, надела ли я перчатки. Я шёпотом ответила, что надела.

– И не хихикай, – сказала мама. – Нервное хихиканье в таких случаях – признак непрофессионализма.

– Мама, я не хихикаю. Я работаю.

– Вот и работай, – сказала мама и положила рубку.

Мы сняли с покойного больничную простыню, чтобы одеть его в привезённый костюм. Я старалась смотреть только на то, что нужно, и разговаривала вполголоса, как в библиотеке. Лицо было спокойным и каким-то чужим, как бывают чужими лица на групповых фотографиях, когда человек на снимке вроде бы знакомый, а вспомнить, кто он, не получается. Я списала это на обстановку. Мы никогда не видели Лапшина вживую, только на рекламных щитах, где он улыбался так, как не улыбаются даже во сне.

Я взяла его руку, чтобы продеть её в рукав рубашки, и вдруг замерла.

На внутренней стороне предплечья, чуть выше запястья, синел рисунок: якорь с обвитым вокруг него канатом и две выцветшие буквы под ним. Татуировка была старая, расплывшаяся по краям, из тех, что делают в молодости и носят всю жизнь. Из тех, что делают морякам.

Я посмотрела на Бонифация. Бонифаций смотрел на меня. Аудитор, не мигая, смотрел на татуировку, и в его жёлтых глазах читалось то самое выражение, которое бывает у аудиторов, когда в отчёте обнаруживают лишнюю цифру.

– Борис Фёдорович, – сказала я очень тихо. – У Лапшина была водобоязнь?

– Была.

– И в армии он не служил?

– Белобилетник. Плоскостопие, мама, справка.

– Тогда скажите мне, пожалуйста, – я повернула руку покойного так, чтобы свет упал на синий якорь, – откуда у него на руке это?

Бас Бонифация, способный заглушить оркестр из сорока человек, вдруг стал тонким, как флейта.

– Нина Сергеевна, – прошептал он. – А что, если это и не Лапшин вовсе?

Мы стояли в тишине подсобки, а на столе лежал человек в дорогом костюме, которого завтра в два часа дня должны были хоронить по высшему разряду, в закрытом гробу, без фотографий и без единого лишнего взгляда.

Кто он такой, мы не знали. Но одно я знала наверняка: вдова, заказывая прощание, ни разу не спросила, как я собираюсь его готовить.

Глава 2. Закрытый гроб

– Звоним в полицию, – сказала я.

– И что вы им скажете? – спросил Бонифаций.

Вопрос был хороший. Я стояла в подсобке с телефоном в руке, рядом на столе лежал человек в наполовину надетой рубашке, и мне понадобилось несколько секунд, чтобы представить этот разговор целиком.

«Здравствуйте, у нас в похоронном бюро лежит покойник с татуировкой».

«Поздравляем. Это преступление?»

«Нет, но у него не должно быть татуировки».

«Кто вам это сказал?»

«Бонифаций».

«Какой Бонифаций?»

– Они посоветуют мне выпить валерьянки, – признала я.

– И будут правы, – вздохнул Бонифаций. – Документы из морга в порядке. Свидетельство о смерти есть, подпись есть, печать есть. Заказчица – законная вдова, которая платит и ни во что не вмешивается. Против нас якорь на руке. Якорь, Нина Сергеевна, это не улика. Якорь – это рисунок.

– А если он ошибся? – спросила я. – Если Лапшин в молодости тайком наколол себе эту гадость, а потом двадцать лет скрывал от жены и от всех?

– Тогда нам повезло: мы сэкономили на звонке в полицию.

Он был прав, и это раздражало. Я сфотографировала та-туировку на телефон, с трёх сторон, при нормальном свете и при свете настольной лампы. Буквы под якорем расплылись так, что разобрать их было невозможно, но сам рисунок вышел чётким, как на открытке из порта. Потом мы закончили то, что начали: надели рубашку, застегнули пиджак, повязали галстук цвета сливы. Руки у меня больше не дрожали. Удивительно, как быстро человек привыкает к странностям, когда у него нет выбора.

– Хороший тамада знает одно правило, – сказала я, когда мы закрыли крышку. – Если на свадьбе начинается скандал, его не останавливают. Его наблюдают. Останавливать скандал – значит мешать ему развиваться, а ты должен понять, кто с кем и из-за чего.

– Мы не на свадьбе.

– Мы на прощании, Борис Фёдорович. Это тот же банкет, только без танцев и с более искренним составом гостей. Завтра в два часа к нам придут все, кто знал Лапшина. И я очень хочу посмотреть, как они будут себя вести.

Бонифаций помолчал. Потом сказал:

– Вы в дядю.

– В каком смысле?

– Он тоже любил смотреть.

Я хотела спросить, что он имеет в виду, но Аудитор вдруг прыгнул с коробки, прошёл по столу, наступил на бумаги из морга и сел на них, как печать. Мы с Бонифацием пере-

глянулись. Кот смотрел на нас так, словно хотел сказать: «Я ничего не говорю, но бумаги у вас странные».

* * *

Утром мама, которая обычно спит до девяти, пришла на кухню в восемь и сообщила, что едет со мной.

– Мама, это рабочее мероприятие.

– Я знаю. Я хочу посмотреть, как ты работаешь. Двадцать лет ты вела чужие свадьбы, а я ни разу не была. Ты не приглашала.

– Потому что ты бы выставила оценки тамаде.

– Я выставляла оценки всем, – с достоинством ответила мама. – Это называется «обратная связь».

Спорить я не стала, потому что знала: бесполезно. Антонина Львовна надела своё лучшее тёмно-синее платье, взяла сумку размером с небольшой чемодан и села на заднее сиденье такси с таким видом, словно ехала принимать экзамен.

К двум часам дня в нашем зале собралось человек семьдесят. Я стояла у входа и, по привычке, считала. Гости на похоронах удивительно похожи на гостей на свадьбе, только одежды солиднее и разговаривают тише. Каждый из них делает то же самое, что и за праздничным столом: смотрит, кто пришёл, кто с кем, кто как выглядит и кто сколько стоит. Вдовы в таких случаях обычно вызывают особенное внимание, и не зря: в каждом зале есть человек, которому интересно, кому достанется наследство.

Гроб, закрытый, блестящий, стоял посреди зала на возвы-

шении, утопая в лилиях. Венок от «Лапшин-Сан» занимал полстены и сообщал серебряными буквами: «Любимому директору от коллектива». Рядом висел другой, поскромнее: «От друзей». Я посмотрела на ленточку. Почерк на ней был странно торопливый, как будто писали в спешке.

Элеонора вошла последней. На ней снова было чёрное, теперь с длинной вуалью, которая закрывала лицо ровно настолько, чтобы его нельзя было рассмотреть, и ровно настолько, чтобы все гадали, что за ним. Она прошла к первому ряду, села, положила руки на колени, и я поняла, что сейчас начнётся лучшее шоу моей карьеры.

Я шагнула вперёд и заговорила.

– Дорогие друзья, – сказала я, и зал затих, как затихает всегда, когда слышит хорошо поставленный голос. – Сегодня мы собрались, чтобы проститься с Валерием Андреевичем Лапшиным. Человеком, чья жизнь была связана с водой: он приносил её в дома тысяч людей. Он дал им возможность открыть кран и почувствовать, что в доме всё хорошо.

Где-то в середине зала кто-то всхлипнул. Надо же, подумала я. Водой попала. Я была довольна собой: пятнадцать лет тамадства не прошли даром. А вот в первом ряду не шелохнулись.

Бонифаций, стоявший у органа, который дядя когда-то купил и которого все побаивались, запел. Он начал тихо, почти шёпотом, и только на втором куплете позволил басу раскрыться. Вдовы в зале всхлипнули в унисон. Мужчины

замерли. Кто-то в заднем ряду достал платок. Мама, сидевшая в последнем ряду с прямой спиной, записывала что-то в блокнот.

После Бонифация я объявила выступления друзей и коллег. Первым вышел мужчина лет пятидесяти пяти, грузный, в мятом костюме, с покрасневшим лицом. Он был похож на покойного, как бывают похожи родственники: тот же нос, тот же подбородок, только лицо старше и мягче.

– Я Аркадий, брат, – сказал он, и голос у него сорвался. – Валерка... Валерка, как же ты так?

Он не договорил. Он закрыл лицо руками, плечи его затряслись, и я заметила, что платка у него нет, а слёзы текут между пальцев. Настоящие, неуправляемые, некрасивые, такие, которые не умеют опаздывать. Я видела много слёз, но такие на свадьбах бывают только у отцов невест.

Я шагнула к нему, тихо предложила стакан воды и помогла сесть. Он вцепился мне в руку и прошептал:

– Вы не понимаете. Он был моим братом. Он звонил мне каждое воскресенье...

– Понимаю, – ответила я, и, к собственному удивлению, не соврала.

И вот тогда я увидела Элеонору.

Она плакала. Впервые за всё время, что я её видела. Вуаль слегка приподнялась, платочек лёг на щёку, и по лицу потекла слеза, красивая, как в рекламе туши. Беда была в том, что она потекла ровно через две секунды после того, как зары-

дал Аркадий. Как реплика суфлёра, которую актриса забыла и теперь торопливо добывает, чтобы не выбиться из роли.

Я сделала вид, что ничего не заметила, и объявила следующего выступающего.

Следующим был Константин Фролов, партнёр покойного по бизнесу. Высокий, подтянутый, с благородной сединой и голосом, которому хотелось верить. Он сказал, что с Валерием они прошли огонь, воду и кредиты, что таких людей, как Валерий, больше не делают, что «Лапшин-Сан» будет жить, потому что этого хотел бы Валера, и что он, Константин, делает всё, чтобы память друга не пострадала. Он говорил пять минут, и зал, кажется, готов был аплодировать, но вовремя вспомнил, где находится.

Я наблюдала за ним внимательно. У него не было ни одной неловкой паузы, ни одной фальшивой ноты. Правильная мимика, правильный голос. Всё как надо. Только вот что странно: за пять минут речи он ни разу не взглянул на гроб. Ни разу. Люди, говорящие о друге над его телом, обычно смотрят на гроб. Невольно. Как актёры смотрят на партнёра, с которым играют сцену.

Что ж, возможно, ему тяжело смотреть.

В конце, когда все выступили, к Элеоноре подошла девушка лет двадцати пяти, худенькая, с заплаканными глазами и небрежно собранными в хвост волосами. Она что-то шепнула вдове на ухо, та сухо кивнула, и девушка, не попрощавшись ни с кем, быстро вышла из зала. Позже я узнала,

что это Вика, секретарша Лапшина. Тогда я просто заметила, что слёзы у неё настоящие, а вот с Элеонорой они даже не поздоровались.

Мама в последнем ряду перевернула страницу блокнота.

* * *

Процессия на кладбище растянулась почти на два километра. Фёдор Семёнович вёл Царевну строго тридцать километров в час, не обращая внимания на гудки, и за нами скопилось вереница машин, в том числе рейсовый автобус, пассажиры которого, судя по лицам, считали происходящее личным оскорблением.

– Мои клиенты не торопятся, – сказал Фёдор Семёнович, когда мы тронулись.

– Но остальные-то торопятся, – заметила я.

– Остальные, Нина Сергеевна, рано или поздно окажутся моими клиентами.

Он говорил это с такой спокойной уверенностью, что возразить было нечем.

На кладбище было ветрено. Жёлтые листья срывались с берёз и прилипали к чёрным пальто, будто и они прилетели проститься. Могилу вырыли на новом участке, у самой дороги, между двумя свежими холмиками. Гроб стоял на траурных козлах, накрытых чёрным сукном, венки лежали рядом, родные стояли полукругом. Я следила за порядком: распределяла цветы, показывала, где встать, объясняла, когда бросать землю. Вдова держалась в стороне и смотрела на гроб,

как смотрят на витрину, которую нельзя разбить.

Я на минуту отвернулась, чтобы забрать у Бонифация список слов для прощания, и в этот момент кто-то коснулся моего локтя.

Рядом стояла невысокая женщина лет пятидесяти пяти, в сером платке и старом пальто. Лицо у неё было усталое и какое-то стёртое, как у человека, который давно не высыпался. Руки – красные, натруженные. Она не смотрела ни на гроб, ни на вдову. Она смотрела на меня.

– Вы ведь заметили, – сказала она тихо, почти шёпотом. – Я видела, как вы смотрели на него. Вы заметили.

– Простите? – Я старалась не менять выражения лица. – Вы кем приходитесь...

– Не важно. Вы заметили, что это не он. Я вижу. Вы единственная.

Мне показалось, что ветер на секунду стих.

– Послушайте, – торопливо сказала женщина. – Молчите. Никому не говорите. Ни полиции, ни родным, ни этому вашему... – она кивнула на Бонифация. – Молчите, иначе вы следующая.

– Кто вы? – спросила я. – Что вы знаете?

Но она уже отступала, пятясь в сторону аллеи, в толпу пожилых женщин, которые пришли на кладбище по своим делам и стояли, укрывшись от ветра за чужими спинами. Я шагнула за ней, но между нами встал Фёдор Семёнович с венком, потом Аркадий с платком, потом кто-то из коллег

«Лапшин-Сан», и когда я вывернулась из этой толпы, серого платка нигде не было.

Я стояла, глядя на чужие спины, и слушала, как колотится сердце. Вот она, думала я, награда за профессиональное любопытство. Вот тебе, Нина, и полгода бюро.

– Нина Сергеевна, – тихо позвал Бонифаций. – Пора.

Я вернулась к гробу. Церемония шла своим чередом: кто-то читал молитву, кто-то плакал, ветер трепал ленты на венках. Гроб стоял на чёрных козлах, лакированная крышка блестела под бледным осенним солнцем. Я привычным взглядом окинула её, проверяя, не упало ли что-то, не сдвинулись ли цветы.

И замерла.

Когда мы привезли гроб на кладбище, крышка была идеально чистой: Бонифаций лично протирал её мягкой фланелью, а я проверяла, нет ли пылинки. А сейчас, прямо на уровне изголовья, на свежем лаке отчётливо виднелся отпечаток ладони. Большой, влажный, мужской, с чёткими линиями кожи. Кто-то прижал ладонь к крышке, подержал и убрал. И рядом с ладонью, на самом краю отпечатка, был виден полукруглый след тяжёлого перстня: широкая дуга с мелкой косой насечкой по ободу.

Я обернулась. Все стояли на своих местах. Вдова с платочком, Аркадий с опухшим лицом, Фролов с благородной сединой, Вика у дальнего дерева, прижимая к груди сумочку. Никто не шевелился. Все выглядели так, как выглядят

люди на похоронах.

Но за те несколько минут, пока я стояла к гробу спиной, кто-то подошёл к нему вплотную и прикоснулся. И этот кто-то не хотел, чтобы его видели.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.